
This item was submitted to [Loughborough's Research Repository](#) by the author.
Items in Figshare are protected by copyright, with all rights reserved, unless otherwise indicated.

1688 год и все такое: права собственности, Славная революция и подъем британского капитализма

PLEASE CITE THE PUBLISHED VERSION

<http://www.vopreco.ru>

PUBLISHER

Rossiiskaya Akademiya Nauk, Institut Ekonomiki / Russian Academy of Sciences, Institute of Economics

VERSION

VoR (Version of Record)

PUBLISHER STATEMENT

This work is made available according to the conditions of the Creative Commons Attribution-NonCommercial-NoDerivatives 4.0 International (CC BY-NC-ND 4.0) licence. Full details of this licence are available at:
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc-nd/4.0/>

LICENCE

CC BY-NC-ND 4.0

REPOSITORY RECORD

Hodgson, Geoff. 2017. "1688 Год И Все Такое: Права Собственности, Славная Революция И Подъем Британского Капитализма". figshare. <https://hdl.handle.net/2134/36010>.

Исследование профессора Дж. Ходжсона посвящено одной из важнейших и дискуссионных проблем современной экономической теории — проблеме относительного значения прав собственности и других институциональных предпосылок экономического роста. Автор рассматривает влияние политического переворота, произошедшего в 1688 г. (его принято называть «Славной революцией») и завершившегося события, традиционно именуемые в российском общественном сознании «Английской буржуазной революцией», на развитие британского капитализма. Опираясь на факты, представленные в работах широкого круга исследователей, Ходжсон показывает, что вопреки представлениям многих теоретиков (в том числе Д. Норта), «Славная революция» не имела непосредственным результатом изменения в состоянии прав собственности, а промышленная революция в Англии началась более чем через полвека. Таким образом, казалось бы, не находит подтверждения одно из положений современной институциональной теории — тезис о важнейшей роли защиты/«безопасности» прав собственности (*the security of property rights*) в создании предпосылок эффективной предпринимательской деятельности и функционирования рыночной экономики. Ходжсон не без иронии отмечает наличие в теории «выпавшего звена» и восполняет это выпавшее звено, расширяя рамки анализа. Такой подход позволяет автору делать выводы, опираясь на совокупность фактов, которые с различных сторон характеризуют развитие экономики, общества, права Англии в XVII и XVIII вв. Статья интересна для российского профессионального читателя не только как образец междисциплинарного исследования, которое содержит оригинальный взгляд автора на одну из ключевых проблем институциональной теории, но и тем, что факты, приведенные автором, не всегда соответствуют доминирующим в российской экономической науке представлениям о формировании современного капитализма.

Дж. М. Ходжсон

1688 год и все такое: права собственности, Славная революция и подъем британского капитализма*

В новаторской статье, опубликованной в 1989 г., Д. Норт и Б. Вайнгаст утверждали, что, сделав монарха более ответственным перед парламентом,

Ходжсон Джеффри М. (g.m.hodgson@herts.ac.uk), проф. Университета Хартфордшира (Великобритания).

* Hodgson G. M. (2017). 1688 and all that: Property rights, the Glorious Revolution and the rise of British capitalism. *Journal of Institutional Economics*, Vol. 13, No. 1, pp. 79–107. Печатается с разрешения автора.

Славная революция 1688 г. помогла обеспечить защиту прав собственности в Англии и стимулировать подъем капитализма. Д. Аджемоглу, С. Джонсон и Дж. Робинсон затем писали, что для английского Средневековья была характерна недостаточная защита прав собственности для землевладельцев, торговцев и первых промышленников, а укрепление прав собственности в конце XVII в. ускорило процесс финансовой и торговой экспансии. Однако такие рассуждения имеют недостатки. Права собственности в Англии были относительно защищены с XIII в. Главной проблемой была не защищенность прав, а их феодальный характер. Феодальные права на землю включали широко распространенные «майораты» и «строгие урегулирования». Революция 1688 г. не оказала заметного прямого влияния на состояние прав собственности. Но если учесть эту критику, то возникает вопрос о том, какие изменения содействовали росту капитализма. Приемлемый ответ можно найти, если обратиться к анализу финансовой и административной революций, которые произошли после 1688 г. в контексте необходимости воевать и усиления глобальных позиций Великобритании. Руководимая более влиятельным парламентом, полномочия которого росли, новая финансовая система стимулировала реформы прав собственности на землю, расширение состава имущества, используемого в качестве залога, и увеличение свободно торгуемых долгов. Именно эта новая финансовая система сделала возможной Промышленную революцию.

Ключевые слова: Славная революция, защита прав собственности, развитие капитализма.

JEL: N13, N23, O43, P14.

Ключевая задача экономических историков — объяснить инновации, подъем производительности и повышение среднего уровня жизни, которые стали очевидны в Великобритании в XIX в. и распространились на другие страны мира¹. После 1700 г. ВВП на душу населения в Европе начал быстро увеличиваться и в дальнейшем его рост ускорился. Западноевропейский ВВП на душу населения в 2003 г. был приблизительно в 20 раз больше, чем в 1700 г.; мировой ВВП на душу населения в 2003 г. был приблизительно в 11 раз больше, чем в 1700 г. (Maddison, 2007).

В чем причина этого беспрецедентного роста производства и инноваций? Ответ на этот вопрос особенно интересовал Д. Норта в последние годы его жизни. Норт и Б. Вайнгаст (North, Weingast, 1989) особенно отметили важность институциональных изменений в Великобритании после Славной революции 1688 г. Они считали рост следствием более эффективной защиты прав собственности. Их рассуждения разделяли и другие исследователи. Тем не менее анализ

¹ Эта статья дополняет аргументацию, развитую ранее (Hodgson, 2015a). Автор хотел бы поблагодарить Б. Аррунадо, М. Бордо, Д. Дональда, Г. Фонсека, А. Мэрфи, Ш. Огилви, М. Вахаби, двух анонимных рецензентов и участников семинаров (по правам собственности Всемирной междисциплинарной сети институциональных исследований в Бристоле, Великобритания, в Китайском университете Гонконга в апреле 2016 г. и на Первой международной конференции по клиометрике и сложным системам в Лионе, Франция, в июне 2016 г.) за полезные комментарии и предложения.

Норта подвергся критике. В частности, некоторые историки отметили, что революция 1688 г. не привела к существенным изменениям в правах собственности. События 1688 г. действительно *de facto* означали изменение равновесия сил между монархом и парламентом, но это изменение не было результатом действия закрепленных политическим урегулированием 1689 г. законодательных норм².

Альтернативная логика предполагает, что акцент делается не на изменениях в уровне защиты прав собственности, а на том, что международные союзы Англии в результате революции 1688 г. были разорваны, страна была втянута в серию масштабных войн против Франции и Испании, достигших кульминации в глобальной Семилетней войне 1755–1763 гг. За этими войнами последовали финансовая и административная революции, истоки которых были заложены в соглашении 1689 г. между королем и парламентом. Необходимость защитить и поддержать растущую торговую империю побудила Британское государство преобразовать свои финансы, собирать больше налогов и покупать промышленную, сельскохозяйственную продукцию и услуги для армии и военно-морского флота. Развитие финансовой системы создало новые стимулы и впоследствии новые возможности для использования земельной собственности в качестве залога, чтобы финансировать инфраструктуру и промышленность.

Революция 1688 г., баланс сил и права собственности

Норт и Вайнгаст утверждали, что развитие современной экономики в Британии зависело от «защиты прав собственности» и «устранения правительственных конфискации» (North, Weingast, 1989. P. 803). Предполагается, что особенно важными для этого процесса были Славная революция и конституционное соглашение 1689 г. между Коронай и парламентом. Согласно включенной в это соглашение Декларации прав, решения короля по вопросам законодательства и налогообложения стали зависеть от санкции парламента.

Следовательно, «сокращение произвольных полномочий Короны имело результатом рост защищенности не только экономических свобод и прав собственности, но и политических свобод и прав» (North, Weingast, 1989. P. 816). Соответственно «достоверное обязательство правительства соблюдать эти соглашения (касающиеся его полномочий в области государственных финансов) было частью более фундаментального обязательства обеспечить частные права» (North, Weingast, 1989. P. 824).

Норт и Вайнгаст. отметили, что после этого соглашения произошли значительные изменения в финансовой системе: образован Банк Англии в 1694 г., снижены процентные ставки, возросла торговля, в том числе ценными бумагами, развивались банки. Они рассматри-

² С 1603 г. Англией, Уэльсом и Шотландией управлял один монарх. Следовательно, вторжение и вступление на престол Вильгельма Оранского в 1688 г. затронуло все три страны Великобритании. Но Шотландия частично сохранила отдельную правовую систему, даже после Акта о Союзе 1707 г., способствовавшего созданию единого Британского парламента.

вали эти изменения как главное подтверждение их тезиса о том, что конституционное соглашение 1689 г. между Коронай и парламентом помогло обезопасить права собственности и положило начало экономическому росту в XVIII в. (North, Weingast, 1989).

Д. Аджемоглу и его коллеги предположили, что в Средневековой Англии было «недостаточно прав собственности землевладельцев, торговцев и первых промышленников» и что «развитие» этих прав впервые произошло в конце XVII в., когда «укрепление прав собственности владельцев земель и капиталов ...стимулировало процесс финансовой и торговой экспансии» (Acemoglu et al., 2005a. P. 393). Эти исследователи выдвигали на первый план соглашение 1689 г., которое ограничило власть монарха и благоприятствовало развитию прав собственности³.

Однако ключевые элементы этого рассуждения подверглись критике. Ведущие ученые-историки изменили оценку конституционного соглашения 1689 г., подчеркивая его «консервативный» характер: целью было восстановление прежних прав. Соглашение способствовало сохранению предыдущих конституционных установлений после суматохи гражданской войны и правления Стюартов. Оно было скорее «оборонительным», нежели инновационным (Jones, 1992; Morrill, 1992; Nenner, 1997; Ogilvie, Carus, 2014; Pincus, 2009; Scott, 1991; Trevor-Roper, 1992; Western, 1972).

Соглашение 1689 г. явно укрепило *de facto* власть парламента по отношению к монархии, но переписывание правил не было существенным. Хотя парламент после Славной революции заседал регулярнее, Декларация прав 1689 г. не установила четкой периодичности его созыва. Другие законодательные акты, провозглашающие требование частого созыва парламента, были приняты еще в XIV в. «После Славной революции не было никакого нового законодательства, утверждающего превосходство общего права» (Pincus, Robinson, 2014. P. 198). Законодательство, которое последовало сразу за Славной революцией, не привносило ничего нового, ему предшествовали другие акты 1624, 1644 и 1677 гг., когда предпринимались попытки установить надзор за государственными финансами со стороны парламента. Пинкус и Робинсон подвели следующий итог проведенного ими критического анализа: «Хотя Норт и Вайнгаст были правы, настаивая на том, что в Англии после 1688 г. произошло радикальное изменение политического поведения... механизмы, которые они выдвинули на первый план, не могли быть причиной этих изменений... Причины революционного преобразования Англии нужно искать в другом месте» (Pincus, Robinson, 2014. P. 201).

Норт и Вайнгаст, возможно, преувеличили конституционные эффекты событий 1689 г., однако после этих событий появились новые средства контроля парламентом полномочий и доходов власти. В целом, парламент стал контролировать обещания верховной власти (Сох, 2012; 2016). Финансовое законодательство в 1690 г. ликвидировало большую часть пожизненных доходов, используемых на содержание короля, и заменило их пособиями, назначавшимися на определенный срок

³ Аналогичные аргументы см. в: Olson, 1993; 2000; Acemoglu, Robinson, 2012.

(Roberts, 1977). Акт о мятеже 1689 г. обязал монарха согласовывать свои действия с парламентом во время войны. В целом, король стал более зависимым от парламента, чем прежде.

Но никто не показал, что эти конституционные изменения затронули права собственности — вот в чем основная трудность с тезисом Норта—Вайнгаста. Некоторые исследователи отмечали, что права собственности были более или менее защищены еще до 1688 г. — к 1600 г. или даже ранее (Angeles, 2011; Clark, 1996; 2007; McCloskey, 2010; Ogilvie, Cragus, 2014; Sussman, Yafeh, 2006). Другие историки утверждали, что влияние установлений 1688—1689 гг. на безопасность публичной и частной деятельности в финансовой области не было ни очевидным, ни непосредственным. «Финансовые обещания властей после Славной революции не были достовернее тех, что давались предыдущими монархами династии Стюартов» (Murphy, 2009. Р. 5). Э. Мерфи утверждала, что после 1689 г. «достоверные обязательства» защитить собственность были востребованы финансовыми инвесторами «снизу» и не предоставлялись «сверху» (Murphy, 2013).

Явным образом выступая против Норта и коллег, другие авторы показали, что *после* Славной революции уровень защиты прав собственности не вырос, потому что сам факт более частых заседаний парламента создавал больше правовых рисков для собственности. Некоторые формы собственности стали более уязвимыми после 1688 г. — «наследственные судебные и должностные юрисдикции, которые предоставлялись Короной отдельным лицам и действительно принадлежали им как полная собственность, которую можно было передать по наследству, подарить или продать» (Hopit, 2011. Р. 108). Хотя наследственные юрисдикции ревниво охранялись как источник дохода и престижа, их масштабы начали постепенно сокращаться в начале XVIII в., уступая место должностям на жалованье. Запрет владеть рабами в Великобритании в 1833 г. — более поздний яркий пример собственности, которую закон перестал защищать⁴.

Безотносительно к цепочке причин и следствий промышленное развитие Великобритании набрало темп намного позже 1688 г. «Институционалисты допускали натяжку, придумывая связь между институциональными изменениями 1688 г. и Промышленной революцией, начавшейся в 1760 г.» (Clark, 1996. Р. 588). Если исход Славной революции был так важен для собственности и бизнеса, то почему Англия вынуждена была большую часть столетия дожидаться скачка инноваций и производительности в ходе Промышленной революции (Allen, 2009)⁵?

Это противоречие касается как фактов, так и анализа. Экономическая история зависит от использования и интерпретации эмпирических данных. Но вопросы, задаваемые экономическими историками, и интерпретация используемых ими данных существенно зависят от положений экономической и социальной теории. В значительной степени

⁴ Однако британские рабовладельцы все же получили компенсацию. Значительная часть этого капитала была инвестирована в железнодорожный бум 1840-х годов.

⁵ Эти очевидные недостатки институциональных теорий в объяснении времени и сущности рассматриваемых событий побудили Д. Макклоски (McCloskey, 2010; 2016) обратить особое внимание на роль идей в экономическом подъеме Великобритании, начавшемся в конце XVIII в.

дискуссия об экономических последствиях Славной революции была порождена неудовлетворительным пониманием прав собственности и недооценкой значения того, как денежные и финансовые институты сопряжены с долгом и собственностью, способной служить залогом. Наша цель — продемонстрировать преимущества новой аргументации, основанной на более полной концепции собственности. Как только мы лучше поймем, что представляют собой собственность и финансы, мы получим новое решение загадки 1688 г.

В данной статье не подвергается сомнению значение прав собственности в экономическом развитии, но сделан акцент на более глубинной сущности и многогранной, находящейся в становлении природе этих прав, что необходимо, так как само понятие «права собственности», как ни странно, в институциональной экономике не разработано. В дискуссиях о роли прав собственности в развитии эти важные нюансы и изменения часто игнорировались (Cole, 2015; Cole, Grossman, 2002; De Soto, 2000; Heinsohn, Steiger, 2013; Hodgson, 2014; 2015a; 2015b; 2015c; Steiger, 2008)⁶.

В Англии права собственности (в различных видах) существовали и были относительно защищены задолго до 1688 г. Природа прав собственности медленно менялась, при этом расширялись возможности использовать землю и другую собственность как имущественный залог для финансирования деловых предприятий. Сказанное не должно преуменьшать политико-экономическое значение Славной революции, но смещает аналитический акцент и показывает существование более тесной связи между растущим использованием собственности как имущественного залога и развитием финансовых институтов, особенно во время Финансовой революции начала 1700-х годов. События, касающиеся собственности и финансов, глубоко взаимосвязаны. Норт и Вайнгаст утверждали, что после 1688 г. защита прав собственности способствовала расширению сферы финансовых операций; здесь же подчеркивается, что подъем финансового сектора стимулировал расширение использования собственности как имущественного залога при займствованиях и финансировании инвестиций.

Учреждение Банка Англии в 1694 г. было вызвано потребностью в финансировании большой войны, вспыхнувшей в 1688 г. в результате Славной Революции и новых международных коалиций, в которые вступила Англия. Учреждение Банка было звеном в цепи институциональных событий, которые привели к развитию в Великобритании современной финансовой системы, где государство играет важную роль в сборе налогов, выпуске облигаций и займов, поддержке частных банков и действиях кредитора последней инстанции. Все это важно для понимания природы современных финансовых систем (Carruthers,

⁶ Если (экономические) «права собственности» определены в понятиях владения или контроля (Alchian, 1965; Barzel, 1989), тогда доказательства их исключительной важности в обеспечении экономического развития более расплывчаты. Но было бы ошибкой следовать за Л. Ангелесом (2011) и другими и оставлять в стороне общее значение «прав собственности». Вместо этого необходимо гораздо лучше понять, что это такое — базовый императив, характерный для подхода, получившего название «юридический институционализм» (Deakin et al., 2016; Hodgson, 2015a).

1996; Hodgson, 2015a; Ingham, 2004; 2008; Keynes, 1930; Mitchell Innes, 1914; Moore, 1988; Wray, 2012).

К сожалению, обработанных данных об объемах, в которых собственность использовалась в качестве имущественного залога, о масштабах кредитов, инвестиций и роста долгового рынка в рассматриваемом периоде немного. Напротив, ключевые законодательные шаги относительно изменений прав собственности и изменений в финансовой области известны. Тем не менее наше основное рассуждение следует считать гипотетическим, требуется его подробное эмпирическое подтверждение, оно станет предметом будущих исследований.

Неудачный выбор времени: развитие прав собственности в Англии

Действительно ли права собственности не были защищены во времена Средневековья? Европейские страны были в этом отношении разнородны. Мы не должны игнорировать относительно продвинутое законодательство в Англии по сравнению с большинством других европейских стран.

Аджемоглу и соавторы (Acemoglu et al., 2005a. P. 394) цитировали Дж. Вейча (Veitch, 1986), упоминая «многочисленные финансовые неплатежи средневековых королей». Сам же Вейч писал: «Конфискации собственности и отказ в погашении долгов были распространены в средневековой Европе» (Veitch, 1986. P. 31). Из этого Аджемоглу и его коллеги делают вывод, что такие явления были распространены и в Англии. Однако Вейч дал только четыре примера конфискации собственности или долговых неплатежей, относящихся к средневековой Англии. В частности, он отметил, что Эдуард I изгнал евреев и конфисковал их собственность и что Эдуард I, Эдуард II и Эдуард III не выполнили своих обязательств по итальянским долгам. Эти события произошли с 1290 по 1340 г., но затронули очень немногих английских собственников.

После средневекового периода произошло несколько конфискации. В 1536–1541 гг. Генрих VIII захватил монастырские земли. В 1638 г. Карл I забрал 200 000 ф. ст. в монете и слитках из лондонского Монетного двора для финансирования войны против Шотландии. Карл II не выполнил своих обязательств по долгам в 1672 г. В 1604–1628 гг. Яков I и Карл I не раз прибегали к принудительным займам у английских кредиторов (North, Weingast, 1989). Конечно, если землевладелец совершил измену или поддержал неправильную сторону в гражданской войне, то он, вероятно, утрачивал свои земли. Английские короли иногда захватывали собственность или не выполняли своих обязательств по контрактам, но по сравнению со значительной частью континентальной Европы это случалось не так часто.

В XII и XIII вв. новые правовые системы были разработаны в Англии и, в некоторой степени, в других частях Северной Европы под влиянием нового канонического права церкви и открытия Кодекса Юстиниана (Verma, 1983; 2003). Следовательно, по крайней мере

с XIII в. укоренившаяся система собственности, контрактов и уголовного права довольно хорошо защищала права собственности богатых в Англии.

Конечно, правосудие было гораздо менее доступно для бедных, правовая система часто была коррумпирована и неэффективна. Множество сохранившихся писем семьи Пастон — успешных дворян-землевладельцев в Норфолке в XV в. — иллюстрируют трудности и коррупцию в законодательстве и законодательной практике, относящихся к землевладению (Castor, 2006). Но угроза конфискации влиятельным монархом не была основной проблемой для этой семьи.

Неизменное внимание Норта и других к защите прав собственности относится к событиям, которые произошли либо слишком рано, либо слишком поздно. Права собственности меньшинства в Англии были относительно защищены к XIII в., но законные права большинства не были защищены даже во время Промышленной революции. Кроме того, такое стандартное представление не позволяет различать многочисленные виды прав собственности, включая различия между правами пользования, продажи, наследования и использования собственности в качестве имущественного залога (Honore, 1961).

До Промышленной революции, безусловно, самым важным видом богатства была земля. Главным препятствием для развития торговли было не отсутствие защиты прав собственности, а феодальный характер земельных прав. Намного позже упадка классического феодализма в Англии устойчивые и хорошо определенные права часто были сопряжены с феодальными обязательствами, которые ограничивали использование земельного богатства для инвестиций, рост рынков, финансовой деятельности и капитализма.

Хотя землевладение подверглось важным законодательным изменениям, включая отмену военных обязательств арендаторов Карлом II в 1660 г. (в большинстве случаев обязательная военная служба фермеров-арендаторов была заменена рентными платежами), земля осталась основным источником и символом власти для семей, которым она принадлежала. В частности, существовали устойчивые ограничения на использование земельной собственности, известные как майораты. Многие майораты поддерживали первородство, гарантируя передачу земельной собственности от одного поколения другому через старшего сына. Это ограничение права живущего владельца поместья стало расширенным правом для его будущих наследников. Но даже когда суды ограничили масштабы майоратов в 1614 г., майораты были заменены добровольными и широко распространенными «строгими урегулированиями», имевшими схожие с майоратами последствия. Эти строгие урегулирования преобладали до XIX в. (Allen, 2012; English, Saville, 1983; North et al., 2009).

Майораты и строгие урегулирования «ограничивали способы распоряжения землей... Держатели редко могли продавать, обменивать или закладывать собственность под своим контролем. Они не могли менять способы распоряжаться собственностью, не рискуя получить юридические иски, даже если бы они считали, что эти изменения к лучшему... Проведение сделок и принуждение к исполнению контр-

актов, в которых предметом была земля, могло быть дорогостоящим, рискованным и незащищенным» (Bogart, Richardson, 2011. P. 245).

Потребовались многочисленные и непрерывные изменения законодательства, чтобы устранить майораты и строгие урегулирования. Они упрямо поддерживались, в основном потому, что были выгодны богатой элите. Собственники не были склонны продавать или закладывать здания или землю, которыми их семьи владели поколениями. Потеря земли означала потерю статуса, влияния, титулов и привилегий⁷.

Также было много земель, предназначенных для общего использования сельскими жителями. Согласно одной из оценок, в начале XVIII в. приблизительно $\frac{1}{4}$ пахотной земли в Англии была общинной, где сельские жители делили права на использование пастбищ, водных источников или лесов (Bogart, Richardson, 2011). Эту общинную землю невозможно было продать или заложить.

Ограничения на оборот собственности были важны не только потому, что они сдерживали развитие английского сельского хозяйства, которое могло бы высвободить работников для промышленности после увеличения сельскохозяйственной производительности. Общины, майораты и строгие урегулирования значительно ограничивали использование земли как залога при получении кредитов, которые можно было инвестировать в коммерческие, промышленные и инфраструктурные предприятия.

В «экономике прав собственности» (Alchian, 1965; Barzel, 1989), где часто акцент делается на вопросах контроля *de facto*, а не на правовых титулах *de jure*, предоставленных судебной властью (Arruñada, 2016; Cole, Grossman, 2002; Hodgson, 2015a; 2015b; 2015c), потенциальная роль собственности как имущественного залога чаще всего преуменьшается. Сам Норт разъяснил, что «государство специфицирует структуру прав собственности» (North, 1981. P. 17) и «параметры прав собственности определяются в юридических терминах» (North, 1994. P. 361), но он не исследовал такой ключевой аспект права собственности, как возможность ее использования в качестве имущественного залога.

Барьеры для превращения земли в товар и ее использования в качестве залога не исчезли спонтанно или легко, несмотря на политические потрясения XV, XVI и XVII вв. Эти барьеры поддерживались сильными и устойчивыми группами интересов. Потребовались многочисленные и разнообразные парламентские акты, в том числе в XIX в., чтобы устранить эти барьеры.

Каждое огораживание общинных земель предполагало назначение комиссаров и инспекторов, проведение деревенских собраний и судебные решения в случаях спора. Такие огораживания в Англии относятся уже к XIII в., но им противостояли акты против огораживаний, при-

⁷ Феодальные ограничения земельной собственности существовали до 1789 г. во Франции. Но Франция отличалась от Англии в других принципиальных аспектах. Здесь была большая государственная бюрократия, возглавляемая сильным королем, но было мало политических сдержек и противовесов. В отличие от Англии и Нидерландов в XVIII в., там «не было никакого развитого рынка капитала, на котором государство могло торговать своим долгом. Франция финансировалась через сложную и обременительную систему налоговых откупов, частных банкиров и продажи должностей» (Carruthers, 1996. P. 23).

нятые в 1489 и 1516 гг. После этого процесс огораживания ускорился, иногда провоцируя сельские восстания. Некоторые огораживания были проведены произвольно, некоторые были согласованы на добровольной основе, а некоторые учреждались парламентскими актами. У нас есть надежные данные только относительно парламентских актов⁸.

Акты, регулирующие права собственности на поместья, отменили строгие урегулирования, а акты, изданные уполномоченными органами, были использованы, чтобы развивать инфраструктуру, включая усовершенствования дорог, рек, строительство каналов (позднее и железных дорог). У актов, регулирующих права собственности, статуты, огораживаний было общее направление действия: они ослабили ограничения на использование земли и ресурсов. Процедуры принятия этих актов были стандартизированы в начале XVIII в. и действовали с незначительными изменениями в XIX в. (Bogart, Richardson, 2011).

Д. Богарт и Г. Ричардсон собрали парламентские данные с 1700 по 1830 г. о числе актов, регулирующих права собственности на поместья, изданных уполномоченными органами, а также актов об огораживании общинных земель (Bogart, Richardson, 2011). На рисунке 1 представлены ключевые тенденции. В 1688–1700 гг. наблюдался небольшой рост такого законодательства, который не представлен в данных, но он был меньше изменений, произошедших после 1750 г. (Bogart, 2011; Pincus, Robinson, 2014). Ясный вывод из этих данных состоит в том, что законодательная реформа прав земельной собственности с 1700 приблизительно по 1750 г. шла вяло, а затем стала проводиться гораздо активнее, причем наиболее интенсивно — применительно к огораживаниям и актам, изданным уполномоченными органами. Важнейший

Парламентские действия, реорганизовавшие права земельной собственности, 1700–1830 гг.

Источник: пятилетние скользящие средние значения в вертикальном кумулятивном представлении, использованы ежегодные данные (Bogart, Richardson, 2011. P. 250).

Рис. 1

⁸ Для целей нашего анализа нет необходимости оценивать, улучшили ли огораживания сельскохозяйственную производительность. Это было предметом эмпирического исследования и дискуссий (Turner, 1986). Э. Остром (Ostrom, 1990) показала, что коллективные установления оставались жизнеспособными во многих обстоятельствах. Важнее, что огораживания дали возможность торговать землей и использовать ее в качестве имущественного залога.

процесс размывания майоратов и строгих урегулирований был медленным и неуклонным, он продолжался и в XIX в.

В целом освобождение земли для продажи или использования как имущественного залога в результате совместного действия законодательства о собственности и огораживании общинных земель активно продолжалось в эпоху индустриализации после 1760 г. Ликвидация феодальных элементов в праве собственности была долгим процессом, начавшимся до 1688 г. и продолжавшимся еще на протяжении длительного времени.

Многие из этих изменений были инициированы местными группами интересов, другие — самим парламентом, собственники или пользователи земли получили компенсации. В целом эффект был огромным. Законодательство относительно земельной собственности «между 1750 и 1830 гг. не только перераспределило некоторые права собственности, но и определило заново или уточнило другие права способами, которые обсуждались множеством сельских жителей. Было принято более 5200 актов по поводу земель площадью свыше 6,8 млн акров. Это приблизительно 21% площади Англии» (Hoprit, 2011. P. 100).

Богарт и Ричардсон утверждали, что Декларация прав 1689 г. и последующие более регулярные заседания парламента «поощряли расширение законодательной деятельности» (Bogart, Richardson, 2011. P. 270). Но ликвидация майоратов, строгих урегулирований и огораживание общинных земель постоянно сталкивались с серьезным сопротивлением и высших, и низших слоев общества. Соглашение 1689 г., может быть, и *позволило* изменять законодательство в данном направлении, но это не объясняет, почему люди получили стимулы осуществлять такие изменения и как были побеждены консервативные группы, заинтересованные в сохранении статус-кво⁹.

Патенты — важная форма интеллектуальной собственности, их можно использовать для примерной оценки темпа промышленных инноваций. Следует заметить, что патентование было очень дорогим и многие инновации не были запатентованы. Патенты — очень несовершенные индикаторы общей величины инноваций. Тем не менее в отличие от незарегистрированных инноваций патенты — собственность, которую можно продать или заложить. По крайней мере, по этой причине их важно рассмотреть.

Патенты постепенно превратились из инструментов королевского патронажа, какими они были в XVII в., в интеллектуальную собственность изобретателей и фабрикантов в эпоху Промышленной революции (MacLeod, 2002). Британская патентная система была систематизирована и стала более доступной во время правления королевы Анны (1702—1714). Но ежегодное число патентов оставалось незначительным

⁹ Непосредственными эффектами статуты, изданных уполномоченными властями после 1688 г., был подъем инвестиций в усовершенствование дорог и судоходства в 1690—1730 гг. (Bogart, 2011; Pincus, Robinson, 2014). Но собственные данные Богарта (Bogart, 2005) показывают, что этот ранний подъем был незначительным по сравнению с расходами на инфраструктурные изменения после 1730 г. Расходы только на магистрали за 1730—1760 гг. утроились и впоследствии значительно возросли. В целом, хотя в 1690—1730 гг. некоторые инфраструктурные изменения имели место, более заметные успехи были достигнуты впоследствии.

приблизительно до 1760 г. и затем стало все быстрее увеличиваться (Sullivan, 1989; Dutton, 1984).

Таким образом, инспирированная Нортон аргументация относительно «защиты прав собственности» имеет четыре главных порока — с точки зрения истории, анализа, механизмов мотивации и распределения. С исторической точки зрения права собственности землевладельческой знати были в основном защищены в Англии, начиная с XIII в.; число долговых дефолтов или конфискаций богатства средневековыми монархами было относительно невелико. Более того, с расширением парламентских полномочий отдельные виды права собственности оказались менее защищенными, в том числе в отношении насильственного устранения майоратов.

С аналитической точки зрения основные препятствия для роста капитализма со стороны прежних прав собственности были связаны не с незащищенностью этих прав, а с их запутанным, феодальным характером. В частности, права собственности наследника не позволяли отцу продать такую собственность или использовать ее в качестве имущественного залога при получении кредитов. В некотором смысле проблема состояла не в том, что прав собственности было слишком мало, а в том, что их было слишком много¹⁰.

В аспекте *мотивации* игнорируется то обстоятельство, что сильные группы интересов защищали феодальный характер прав земельной собственности. Нобилитет обладал огромным богатством и властью. Большая часть нобилитета и помещиков сопротивлялась реформам прав земельной собственности, включая ликвидацию майоратов и строгих урегулирований. Эти группы интересов не были немедленно ослаблены после событий 1688–1689 гг. Потребовались обширные институциональные изменения, чтобы обеспечить стимулы для вовлечения земли в товарный оборот и поощрять культуру обогащения — как стимулы, приоритетные по отношению к статусу, основанному на земельной собственности. Этих изменений не было в течение некоторого времени и после 1689 г.

В аспекте *распределения* прав и доходов полный расцвет капитализма потребовал расширения реальных и защищаемых законных прав — от узкой элиты к намного более широким слоям населения. Такое расширение часто ставило под угрозу права существующих собственников и поэтому встречало сопротивление. В XIX в. примеры ограничения прав собственности для некоторых в пользу прав многих включают отмену рабства и упразднение принятого по умолчанию права мужа на собственность его жены после вступления в брак (Hoppit, 2011; Hodgson, 2015a).

Некоторые исследования, посвященные значению «защиты прав собственности», показывают, что, будь она установлена, институты в основном были бы готовы содействовать инвестициям и предпринимательству. Это ошибка. По крайней мере, в случае Англии основная

¹⁰ Запутанные имущественные претензии были феодальной версией проблемы «антиобщин», связанной с многочисленными переплетенными правами в современном капитализме (Heller, 2008).

проблема состояла в том, чтобы реформировать устоявшиеся и защищенные права собственности, а не установить их. Более того, данные показывают, что наиболее радикальные и быстрые изменения в природе прав собственности произошли после 1750 г.

Экономический рост и баланс власти различных классов

Изменение баланса власти между сувереном и парламентом и участвовавшие заседания парламентов, вероятно, расширили *возможности* для развития коммерческих институтов. Однако это не объясняет рост и усиление групп интересов, которые могли лоббировать такие изменения и *реализовать их*. Крайне важным было развитие буржуазного класса, занятого бизнесом и производством, и коммерчески мыслящих помещиков, ориентированных больше на торговлю и прибыль, чем на феодальную власть и статус¹¹. В интересах этих групп было поддержать финансовые, административные и имущественные реформы, которые помогали экспансии бизнеса и торговли. Когда же начали расти экономический вес и потенциал влияния этих классов?

Аджемоглу и соавторы (Acemoglu et al., 2005b) утверждали, что экономическое развитие в Великобритании и в других странах начиная с XVI в. отчасти стимулировалось ростом атлантической торговли. Это усилило политическую власть буржуазии и стимулировало кумулятивный процесс институциональных реформ. До этого схожие рассуждения присутствуют в работах К. Чиполлы (Cipolla, 1965) и Ф. Броделя (Braudel, 1984). В этих исследованиях указываются случаи положительной обратной связи и процессы кумулятивной причинности, которые вели к росту власти буржуазии.

Участие Великобритании в международной торговле резко возросло во второй половине XVII в. В 1640–1700 гг. британский экспорт примерно удвоился. К 1688 г. у Великобритании был самый большой торговый флот в Европе, водоизмещение которого увеличилось с 2 млн т в 1660 г. до 3,4 млн т в 1686 г. (O’Gorman, 1997). Существенно расширились масштабы работоторговли. Число рабов, транспортируемых британскими торговцами из Африки до Карибов и Северной Америки, увеличилось с 243 300 в 1676–1700 гг. до 380 900 в 1701–1725 гг., 490 500 в 1726–1750 гг. и 859 100 в 1751–1775 гг. (Eltis, 2001. P. 43). Но все эти тенденции проявились до 1688 г.

Из-за гражданской войны и других беспорядков ВВП на душу населения в Англии в первой половине XVII в. рос медленно. Но экономический рост существенно ускорился после окончания гражданской войны в 1649 г.: ВВП на душу населения рос в 1650–1700 гг. в среднем на 0,74% в год (Broadberry et al., 2015). В 1700–1760 гг. показатель роста немного ниже — 0,67%. После 1760 г. ВВП на душу

¹¹ К. Маркс утверждал, что развитие наемного труда было «отправной точкой» в становлении капитализма (Marx, 1976). Он считал, что это развитие стало определяющим в XVI в. На самом деле наемный труд играл важную роль в Англии уже в XV в. (Hodgson, 2015a).

населения повысился: в 1760–1780 гг. его рост составлял 0,85%, в 1780–1801 гг. — 1,46%, а в 1801–1830 гг. — 1,64% в год. Эти данные показывают, что наиболее интенсивное ускорение роста началось около 1760 г., а не сразу после 1688 г.¹²

Рассмотрим растущие страты финансистов, торговцев, промышленников и фермеров-предпринимателей. Приводя сведения об изменении относительной значимости различных занятий и социальных классов в XVII и XVIII вв., П. Линдерт и Дж. Уильямсон (Lindert, Williamson, 1982) обобщили и адаптировали данные трех социологических «обследований» — Г. Кинга в 1688 г., Дж. Месси в 1759 г. и П. Кохуна в 1801–1803 гг.

В таблице представлены доли семей в двух важнейших социально-экономических классах и вклад каждого из них в национальный доход. Группа землевладельцев состояла из лордов, нобилитета и помещиков. Данные показывают, что масштабы их присутствия в обществе и доля их дохода не претерпели в этот период значительных изменений, за исключением небольшого снижения доли дохода в 1759–1803 гг. Мы можем заключить, что политико-экономическое значение этих классов землевладельцев оставалось высоким длительное время после 1688 г.¹³

Вторая группа включает работодателей, наемных работников и индивидуальных предпринимателей, занятых коммерцией, торговлей, в производстве, строительстве и горной промышленности. Данные отражают вес коммерческого и промышленного секторов в обществе и их доходы.

Согласно этим данным, к 1688 г. более 1/4 семей было занято в торговле и промышленности и производило более 1/3 национального дохода, а роль этих динамичных социальных слоев росла задолго до 1688 г. Буржуазия уже имела экономическое значение в 1688 г., хотя и обладала меньшей властью и влиянием, чем нобилитет. Впоследствии, в 1688–1759 гг., число семей, занятых в торговле и промышленности,

Т а б л и ц а

**Землевладельцы против торговцев и промышленников:
доли семей и национального дохода в 1688–1803 гг. (в %)**

Даты опросов	Земельные собственники (лорды, эсквайры и джентльмены)		Торговцы и промышленники (купцы, торговцы, лица, занятые в промышленности, строительстве, горном деле)	
	доля семей	доля нац. дохода	доля семей	доля нац. дохода
1688	1,4	16,2	27,7	37,6
1759	1,2	17,6	36,8	38,5
1801–1803	1,2	13,9	34,0	45,5

Источник: Lindert, Williamson, 1982, данные для Англии и Уэльса.

¹² Другие ряды данных для этого периода дают немного иную картину, но подводят к аналогичному заключению: ускорение роста после 1689 г. не заметно. Обзор данных о росте в Великобритании в XVII и XVIII вв. см. в: Ogilvie, Carus, 2014.

¹³ Перед парламентской реформой 1832 г. право участвовать в парламентских выборах было только у мужчин-собственников — их численность в Англии и Уэльсе составляла приблизительно 400 000 (около 10% взрослых мужчин) (Phillips, Wetherell, 1995).

увеличилось, но их вклад в национальный доход вырос незначительно. Вклад этой группы в национальный доход существенно увеличился после 1759 г.¹⁴

Эти обследования показывают, что буржуазия уже имела экономическое значение в 1688 г. Но ее присутствие в экономике в течение следующих 70 лет не выросло существенно. Зато она приобрела большее значение впоследствии. Снова данные свидетельствуют о том, что решающие экономические изменения происходили в 1750-х годах или позже.

Если бы защита прав собственности была основной проблемой для торговли и промышленности до 1688 г. и эта проблема была устранена политическим урегулированием 1689 г., то следовало бы ожидать значительного увеличения доли торговли и промышленности в экономике в последующие годы. Данные представленных социологических «обследований» не подтверждают это. Кроме того, если незащищенность прав собственности была главным препятствием для экономического роста перед Славной революцией, то как объяснить существенный вес, рост и экономическую значимость торговли и промышленности до 1688 г.?

К этому моменту читатель, возможно, убедился, что данные опровергают утверждения Норта и других относительно экономических последствий Славной революции. Но такой вывод был бы слишком поспешным. В дальнейшем мы покажем, что революция 1688 г. спровоцировала серию событий, которые подготовили почву для подъема после 1760 г.

Мы должны исследовать события 1690–1750-х годов и определить цепь причин, которая соединяет уже возникавшую к 1688 г. буржуазию с изменениями, происходившими примерно в 1750-е годы, включая характерное ускорение экономического роста, увеличение темпа реформы прав земельной собственности и значительный рост скорости инноваций. Такая цепь причин связала бы революцию 1688 г. с Промышленной революцией, которая началась приблизительно в 1760 г.

Финансовая и административная революции

В XVII в. в Нидерландах была разработана достаточно сложная система государственных и частных финансов. Государство смогло обеспечить устойчивое получение средств от налогообложения, и это позволило правительству осуществлять заимствования. Голландцы разработали широкий спектр новаторских институциональных форм инвестирования в торговлю, промышленность и инфраструктуру. Среди этих способов были: публично размещаемые облигации, выпущенные правительствами на национальных, провинциальных и муниципальных уровнях, и акции компаний (например, Голландской Ост-Индской компании), свободно обращающиеся на рынке. Развитие финансовых рынков, включая Амстердамскую фондовую биржу, облегчило инвестирование и приобре-

¹⁴ Как отметили Линдерт и Уильямсон (Lindert, Williamson, 1982), три указанных «обследований» отличались по своей методологии и строгости, а значит, сравнивать их следует с осторожностью, особенно когда сообщаемые в них различия незначительны.

тение небольших пакетов акций торговых и промышленных предприятий. На протяжении XVII в. приблизительно половина всех океанских судов во всем мире была из Нидерландов. Эта крошечная страна играла ведущую роль на международных рынках капитала, пока последовательные политические кризисы не привели к краху Голландской Республики в 1795 г. (Israel, 1989; de Vries, van der Woude, 1997).

Фактически британская Славная революция 1688 г. была вторжением, в котором предводительствовали голландцы, хотя ему предшествовало приглашение от епископа и шести аристократов. Приглашение имело религиозную мотивацию: Якова II подозревали в попытке восстановить католицизм. Вторгнувшаяся армия Вильгельма Оранского включала 500 судов, 20 000 обученных солдат, 20 000 моряков и технического персонала; это вторжение по своим масштабам было подобно злополучной испанской Армаде веком ранее. Армия Вильгельма включала английских и шотландских изгнанников и наемников из Германии, Швейцарии, Швеции и других стран. Но эта армия получила широкую поддержку со стороны населения, среди которого преобладали протестанты.

В результате Славной революции внешняя политика Англии изменилась: от союзных отношений с Францией Англия перешла к альянсу с Нидерландами, что привело к наплыву голландских торговцев и финансистов, а также художников и ученых (Jardine, 2008). Голландские бизнесмены принесли знания голландских финансовых институтов и помогли Лондону стать ведущим мировым финансовым центром (Dickson, 1967). Одной из голландских инноваций в области государственных финансов было систематическое использование доходов на обслуживание и амортизацию государственного долга. Хотя Великобритания не следовала рабски за голландцами и имела собственные, созданные до 1688 г. институциональные инновации (Murphy, 2009), но в итоге воздействие Славной революции на финансовые институты было колоссальным. Неудачливые оппоненты, которые в 1694 г. возражали против учреждения Банка Англии, говорили: «Этот проект пришел из Голландии, мы и слушать о нем не хотим, у нас и без того слишком много голландского» (Bank of England, 1970. P. 6). После 1688 г., в результате в том числе и голландского вторжения, институциональная инфраструктура британских финансов пережила революцию.

Норт и Вайнгаст утверждали, что уменьшение рисков долгового неплатежа монарха понизило премии за риск и процентные ставки (North, Weingast, 1989). Напротив, Дж. Кларк утверждал, что доказательства падения процентных ставок не очевидны (Clark, 1996; 2007). В любом случае процентные ставки определяются не только политическим риском, но и другими факторами, включая спрос и предложение средств. Эти факторы, в свою очередь, находились под воздействием возможности использовать имущество в качестве залога и ожиданий прибыльности инвестиций. Мы можем согласиться с другими исследователями в том, что сосредоточение внимания на эмпирических данных о процентных ставках представляет собой «фундаментальное заблуждение» и «ложный след» (Temin, Voth, 2005. P. 325; Pincus, Robinson, 2014. P. 205).

Утверждалось, что конституционные ограничения власти монарха в 1689 г. были менее значимыми, чем «запоздалое выравнивание» Англии, перенявшей наиболее развитые финансовые системы континентальной Европы: это был скорее «результат финансовой революции в стране, нежели революции в политической свободе и правах» (Epstein, 2000. P. 211). Решающую роль в этом сыграли новые финансовые практики, перенесенные из Голландии (Bagehot, 1919; Carruthers, 1996; Dickson, 1967; Kindleberger, 1984; Neal, 1990; Powell, 1915; Roseveare, 1991; Wennerlind, 2011).

Бум спроса на финансовые активы произошел в 1690-е годы, еще до создания Банка Англии (Murphy, 2009). Финансируемый лондонскими коммерсантами, Банк Англии предоставил кредиты королевскому казначейству под 8% годового дохода. Оплата этого кредита финансировалась налогами и таможенными пошлинами. Для Банка Англии эти королевские долги были денежными активами, которые, в свою очередь, были обеспечены восстановленной (после периода революции) уверенностью общества в добросовестности верховной власти. Эти активы были положены в основу последующих крупных займов, выданных банком. Правительство заимствовало много, прочно соединяя таким образом интересы аристократов, помещиков, промышленников и коммерсантов.

Информация о рынках стала более доступной. С 1698 г. в Лондоне регулярно публиковались котировки различных активов (Morgan, Thomas, 1962). После 1688 г. «началось повсеместное образование акционерных обществ... К 1695 г. было создано 100 новых компаний с общим капиталом 4,5 млн фунтов» (Kindleberger, 1984. P. 196). После Банка Англии учредили еще несколько лондонских банков. Их было 25 к 1720 г. и около 50 в 1770 г. После 1750 г. много банков стало появляться в провинции (North, Weingast, 1989).

Исследование счетов одного выдающегося лондонского банкира показало, как в 1680–1705 гг. «механика частного долга была преобразована двумя революциями в системах английской конституционной власти и государственных финансов. Банкиры и их клиенты начали использовать более совершенные финансовые инструменты, созданные правительством, чтобы облегчить частное кредитование» (Quinn, 2001. P. 613).

В 1690 г. прозорливый экономист Н. Барбон способствовал основанию Национального земельного банка, который выпустил закладные, обеспеченные недвижимостью. К 1696 г. Земельный банк был так успешен, что даже грозил узурпировать функции Банка Англии. Встретив противодействие также казначейства и парламента, эта попытка в конечном счете провалилась, — неудачу объясняют низким уровнем развития рынков денег и облигаций (Slapham, 1966). Потребовалось несколько десятилетий, чтобы создать финансовые институты, которые открыли возможности использовать закладные, обеспеченные землей. Кроме того, как показано выше, многие земли в то время еще не могли использоваться как имущественный залог. Дальнейшие изменения в природе земельной собственности были необходимы, и они происходили медленно вплоть до 1750-х годов.

Импульс для более весомого участия государства в развитии британской финансовой системы в XVIII в. был в значительной степени порожден потребностью в финансировании внешних войн (Bowen, 1995; Carruthers, 1996; Mann, 1986). Вследствие появления новых международных союзов и новых врагов Англия погрузилась в длительный период войн. Новая ситуация потребовала существенной реформы фискальных и административных инструментов государства. За Девятилетней войной (1688–1697) вскоре последовала длительная война за испанское наследство (1701–1713). Ниспровержение Стюартов в 1688 г. привело к восстаниям якобитов в Великобритании в 1715 и 1745 гг. Кроме того, шли Война четверного союза (1718–1720), Англо-испанская война (1727–1729), Война за австрийское наследство (1740–1748) и масштабная Семилетняя война (1756–1763). В течение 45 из 76 лет, с 1688 по 1763 г. включительно, Великобритания участвовала в войне по крайней мере с одной из ведущих держав.

Финансы и война были глубоко связаны. В 1672 г. в Лондоне не было никакого организованного фондового рынка, хотя здесь торговали активами, и «Англия был слабым национальным государством — второразрядным в военном отношении. Всего через 40 лет в 1712 г. акции множества акционерных компаний продавались на появившемся в Лондоне активном и высокоорганизованном рынке капитала. Более того, Великобритания стала одной из сильнейших военных держав Европы и успешно противостояла французской экспансии» (Carruthers, 1996. P. 8).

В противоположность тезису Норта и Вайнгаста (North, Weingast, 1989), что политическое соглашение 1688 г. сделало правительство более устойчивым, Пинкус и Робинсон утверждали: «Революция 1688 г. не сделала правительство более предсказуемым, а положила начало периоду, характеризующемуся наиболее интенсивной разобщенностью и нестабильностью в истории Англии и Великобритании». Об этом свидетельствует унылый перечень войн и восстаний в 1688–1763 гг.

Конечно, и до 1688 г. было много войн. Например, в годы после Реставрации шли Вторая (1665–1667) и Третья (1672–1674) англо-голландские войны. Но монарху часто было трудно собрать деньги, чтобы финансировать эти предприятия. Положение изменилось, когда в 1689 г. было заключено соглашение между монархом и парламентом. Оно объединило их вместе в общем деле, особенно в отношении зарубежных врагов, хотя в те трудные времена не было недостатка в спорах различных фракций. Декларация 1689 г. обеспечила взаимопонимание сторон: короля и общин в вопросе удовлетворения потребностей войны. Норт и Вайнгаст были правы, говоря о значении Славной революции, но ошибались относительно причин этой значимости, ибо Славная революция мало повлияла на защиту прав собственности.

Случайно или намеренно, в результате ряда косвенных мер регулярный созыв парламента стал более вероятным, особенно в периоды войн. Декларация прав 1689 г. требовала, чтобы постоянная армия не сохранялась в мирное время без согласия парламента. В том же году был принят Акт о мятеже, чтобы действовать против непослушных шотландских войск, которые остались лояльны Якову II. Этот акт

позволил монарху поддерживать постоянную армию во время войны или мира, но не более чем на один год. Следовательно, для сохранения обороноспособности страны парламент должен был ежегодно встречаться и возобновлять действие Акта о мятеже (Winthrop, 1920). Новый Акт о мятеже принимался каждый год до 1879 г. Кроме того, финансовое соглашение 1690 г. ограничило сроки предоставления монарху средств, которые ранее предоставлялись пожизненно (Roberts, 1977). Это усилило зависимость монарха от регулярных заседаний парламента.

Возможности парламента держать короля на коротком финансовом поводке и управлять правительственным долгом увеличились (Сох, 2012; 2016). Военные и финансовые нужды также помогали парламенту держать монарха под контролем.

Государство продолжало играть важную роль в поощрении заморской активности компаний. Корона организовала группы кредиторов для компаний, включая Новую Ост-Индскую компанию (1698), Объединенную Ост-Индскую компанию (1708) и Компанию Южных Морей (1708). Крах Компании Южных морей в 1720 г. привел к серьезному кризису, но финансовая система в целом устояла.

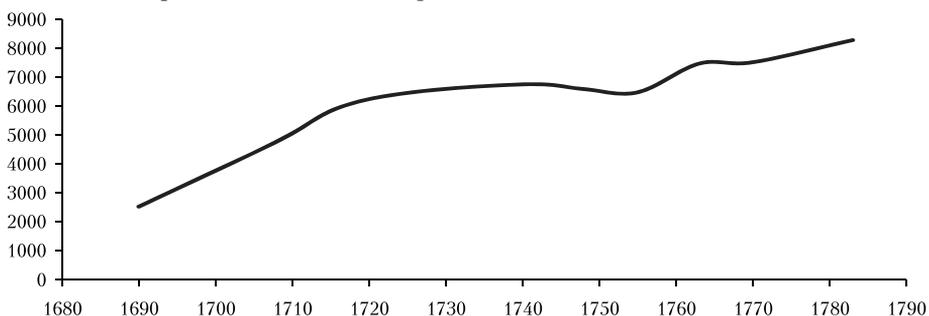
В этот период экспансия Британской империи стала более заметной. До 1688 г. Англия имела крупнейшие колонии в Северной Америке, на Карибах и в Западной Африке. К 1763 г. расширились колонии в Индии и Северной Америке, была основана стратегическая средиземноморская военная база в Гибралтаре. Рост рабовладельчества был другой частью расширяющейся торговой деятельности Великобритании 1690–1760-х годов. В более широком плане, как указал П. О'Брайен, «к концу Семилетней войны около половины национальных трудовых ресурсов (порвавших связи с сельским хозяйством) получало средства к существованию непосредственно и косвенно от заморских рынков» (O'Brien, 2006. P. 14).

В 1687–1703 гг. число рабочих, занятых в обеспечении военноморских сил, выросло более чем в четыре раза. Д. Дефо заметил в то время, что «в некоторых отношениях военно-морской флот — крупнейшая отрасль в стране» (цит. по: Hill, 1961. P. 230). Больше людей требовалось для управления растущей военной машиной и больше налогов для ее финансирования.

Потребности войны и совместное давление международной и внутренней торговли были главными силами, подталкивающими развитие и реформы финансовых институтов и государственной администрации (O'Brien, 2011). Славная революция и последующие международные конфликты привели к крупным преобразованиям в управлении государством, которые в том числе включали Акт о Союзе с Шотландией в 1707 г. Политические и фискальные изменения после 1688 г. сопровождала «административная революция — или, по крайней мере, поразительный рост власти и эффективности государства, который проявился не только во время войны, но и при решении более тонких задач мира» (Roseveare, 1991. P. 4).

На рисунке 2 показан рост числа занятых полное рабочее время представителей фискальной бюрократии, включая таможенное и ак-

**Число занятых на полный рабочий день сотрудников
фискальной администрации, 1690–1783 гг. (человек)**

Источник: Brewer, 1988. P. 66.

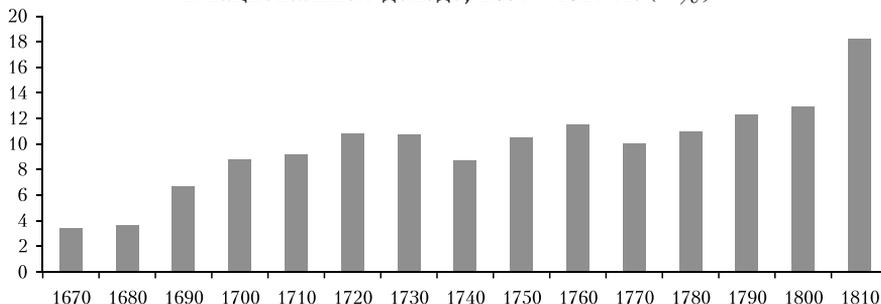
Рис. 2

цизное управления, почту и казначейство. Виден, в частности, удивительный рост в 1690–1720-е годы, когда численность бюрократии более чем удвоилась.

Государственная администрация упрочила базу для сбора налогов и обеспечила рост налоговых поступлений, особенно для финансирования войн. Соглашение 1689 г. упрочило политический консенсус, создав основу эффективного фискального государства (Roseveare, 1991). В 1692 г. парламент ввел национальный земельный налог. А в 1696 г. был введен налог на окна. Но основная часть государственного дохода была получена от таможенного и акцизного управления, поступления от которого увеличились с ростом могущества Британской империи и международной торговли (Mathias, 1983).

На рисунке 3 показана доля совокупных налоговых поступлений в национальном доходе в 1670–1810 гг. Заметен рост в 1680–1690 гг. и затем вплоть до 1700 г. Следовательно, понуждаемое внезапным началом войны в 1688 г. и Соглашением 1689 г., правительство смогло более чем вдвое увеличить долю налоговых поступлений в национальном доходе. Ирония в том, что большинство очевидных и непосредственных эффектов 1688 г. были связаны не с ростом свободного предпринима-

**Доля совокупных налоговых поступлений
в национальном доходе, 1670–1810 гг. (в %)**

Источник: O'Brien, 1988. P. 3. См. также: O'Brien, 2011. P. 428; Соx, 2012. P. 576.

Рис. 3

тельства, а со значительным расширением государственной бюрократии и ростом налогообложения.

Финансовая революция была длительным делом и заняла десятилетия. Она включила ряд законодательных шагов, в том числе изменение законов относительно ростовщичества и торговли долгами, развитие новых организационных структур и обычаев делового оборота. Растущее использование долга вело к нестабильности (как показал дефолт Компании Южных морей 1720 г.). Военные правительственные заимствования вытеснили частные заимствования (Temin, Voth, 2005). Тем не менее общий эффект финансовой революции был положительным. Прежде всего, увеличились возможности для заимствований и инвестиций и была создана современная банковская система. Эти институциональные изменения принесли плоды во время Промышленной революции.

Обращаясь к эволюции финансовой системы в Италии, Нидерландах, Великобритании, Дж. Ингхэм пришел к выводу, что «капиталистическая денежная система развивалась путем интеграции частных сетей коммерческих торговых кредитных денег с публичной валютой, то есть с государственными деньгами» (Ingham, 2008. P. 70). Ингхэм и другие считали, что важную роль в этой системе играл долг. «Отличительная черта капитализма в том, что он включает социальный механизм, под действием которого частным образом установленные отношения должника и кредитора... регулярно монетизируются» (Ingham, 2008. P. 74).

Жизненно важным для развития современной банковской системы было появление институтов, наделяющих сам долг способностью стать предметом продажи или договора. Обещание заплатить могло быть продано тому, кто получил бы юридическое обязательство оплатить долг. Ключевая проблема — эффективная поддержка этих обязательств силой закона. Контракты обычно включают юридические обязательства поставить товары или услуги в обмен на деньги. Обмены простыми векселями включают вместо этого покупку обещания заплатить — первоначально это не было признано действительным законным контрактом: продажа долга не была санкционирована юридическим признанием обязательства перед его покупателем. Необходимы были серьезные законодательные изменения, чтобы сделать такое признание возможным.

В XVII в. коммерческие сделки перешли из ведения торговых судов в суды общего права (Baker, 1979; Berman, 1983). Но «неловкие попытки» судов общего права (Beutel, 1938. P. 840) рассматривать дела с торгуемыми долгами побудили бизнесменов потребовать у парламента упрочить законодательство. Между прочим, решение этого вопроса подчеркивает важность соглашения 1689 г., которое увеличило эффективную законодательную способность парламента. В 1704 г., во время правления преемника Уильяма, королевы Анны, парламент принял «Акт о предоставлении простым векселям способности использоваться как переводные векселя, а также о лучшей оплате переводных векселей внутри страны». Потребовались серьезные законодательные решения, включая принятый в 1758 г. закон, чтобы создать единство вексельного обращения (Beutel, 1938; Lawrence, 2002). Как только такое единство

обращения было установлено, капиталистический джинн вылетел из бутылки. Как писал Х. Д. Маклеод, «если бы нас спросили — кто сделал открытие, которое наиболее глубоко затронуло судьбу человеческого рода, — мы думаем, что после всестороннего обсуждения могли бы спокойно ответить: человек, который первым обнаружил, что долг — торгуемый товар» (MacLeod, 1872. P. 481)¹⁵.

Использование этого «открытия» потребовало утверждения и консолидации правовых основ. Для этого понадобился не один парламентский акт. Но в конечном счете благодаря этим мерам зарождающаяся капиталистическая финансовая система способствовала колоссальному экономическому росту.

Капиталистическая финансовая система включает сложную паутину договорных обязательств. Коммерческие банки с XIV в. увеличивали масштаб операций, держа только часть своих депозитов в виде наличных денег или золота. Частичное резервирование в банковском деле оказывает совокупное воздействие на создание денег коммерческими банками, так как оно позволяет расширять денежную массу в масштабе большем, чем величина депозитов. Любой долг финансируется текущими активами или требованиями к третьим лицам — должникам. Покупатель долга получает право на актив, которое само может использоваться в качестве имущественного залога при заимствовании (Veblen, 1904). Кредитные деньги, таким образом, питаются сами собой: деньги коммерческого банка создаются эндогенно (Moore, 1988; Gray, 2012). Как бы опровергая законы физики, банки могут таким образом создать больше денег «из ничего» (Schumpeter, 1934. P. 73).

Но эта способность банков зависит от действенности законов, обеспеченности системы частичного резервирования частными и государственными гарантиями и достаточной степени уверенности экономических агентов в том, что такой долг можно погасить. Как только в Великобритании сложились правовые институты, поддерживающие возможность использовать собственность в качестве залога, кредитные деньги и продажу долга, открылись перспективы для новой динамики роста.

Вкратце рассуждение таково. Эволюция финансовой системы в первой половине XVIII в. благоприятствовала промышленным и инфраструктурным проектам, основанным на крупномасштабных заимствованиях. Эти проекты спровоцировали другой кумулятивный процесс причинной обусловленности и положительной обратной связи, который стал заметным к 1750-м годам. Когда была продемонстрирована прибыльность инвестиций более широкого масштаба, богатые землевладельцы и другие инвесторы соблазнились перспективами дальнейших коммерческих предприятий. Расширение возможностей получить прибыль разрушило давнюю сентиментальную привязанность к семейной собственности. Это побудило уничтожить майораты и строгие урегулирования, в результате чего земля могла использоваться в качестве

¹⁵ Маклеод (MacLeod, 1858) ввел понятие «закон Грешэма». А. Митчелл Иннес (Mitchell Innes, 1914) приписал Маклеоду идею государственной теории денег. Дж. Коммонс (Commons, 1934) назвал его первым экономистом-правоведом. Шумпетер (Schumpeter, 1954) считал Маклеода единственным современником Маркса, достигшим систематических успехов на пути к кредитной теории денег.

имущественного залога при кредитовании. Следовательно, главные капиталистические реформы прав собственности на землю следовали за финансовой революцией, а не предшествовали ей.

Таким образом, институциональные изменения в XVIII в. увеличили масштабы собственности, которая могла использоваться как имущественный залог, создав возможности увеличить кредитование. Рост стимулов и возможностей для заимствования одновременно с развитием после 1694 г. инструментов денежной системы, основанной на долге и торгуемых ценных бумагах, расширили долговой рынок, став питательной средой дальнейших спекуляций и инвестиций. Сформировалась современная финансовая система, которая покоится на столпах собственности, способной использоваться как залог, свободно торгуемого долга, международной торговли и государственной власти.

Подводя итоги: от критического анализа к реконструкции

Славная революция не создала новых законов относительно собственности. Она произвела на свет лишь несколько указов, обеспечивших увеличение значимости парламента. Ее непосредственным результатом не стали увеличение гарантий прав собственности и ускорение темпов экономического роста или увеличение экономического веса буржуазии. Но у Славной революции действительно было два главных и знаменательных следствия.

Во-первых, как подтверждают состояние законодательства после 1689 г. и скорость его трансформации, *de facto* изменился баланс сил между королевской властью и парламентом. Теперь важнейшие властные полномочия монарха должны были подтверждаться парламентом. Это подчеркнули Норт и другие авторы. Тем не менее констатация этих изменений мало помогает в объяснении реформ собственности и финансового управления, которые были необходимы, чтобы поддержать рост капиталистической экономики. Власть и энергия возрастающего буржуазного класса были необходимы, чтобы изменить укоренившиеся интересы в полуфеодальной и привязанной к земельным отношениям системе прав собственности. Но это не происходило непосредственно после 1688 г.

Во-вторых, события 1688 г. привели к принципиальным изменениям в иностранных союзах, следствием чего стало участие во многих войнах, включая Семилетнюю войну 1755–1763 гг., обусловленное в том числе и увеличенной *de facto* роли парламента. Это стимулировало проведение реформ британского государства. Реформы требовались, чтобы сделать возможным финансирование войны за счет государственных обязательств. Финансовая и административная революции начала XVIII в. были прямым и непосредственным результатом событий 1688 г. Следовательно, финансовые и военные потребности государства больше, чем непосредственные интересы и действия возрастающей буржуазии, обеспечили главные стимулы для изменений в 1688–1750 гг.

Институциональные изменения, особенно в законах и в политике, соединенные с потребностями обеспечения войны продукцией промышленного производства, в конечном счете уменьшили препятствия для роста влияния промышленников и торговцев. Последние, в свою очередь, выигрывали от расширения британской торговли и Британской империи. К 1760 г. социально-экономические результаты этого процесса стали заметны.

Затем промышленный подъем набрал ход, ускорились реформы прав собственности на землю с тем, чтобы эти права можно было использовать как залог при привлечении промышленных и коммерческих инвестиций. Новые прибыльные возможности, которые открылись перед консервативными лендлордами, помогли преодолеть их сопротивление реформам. Пока инвестиции в развитие промышленности имели своим источником прибыль, надежность этого источника не всегда была достаточной, чтобы обеспечить необходимый объем инвестиций. Некоторые фирмы выпускали акции. Другие финансировали промышленные проекты, привлекая средства родственников, друзей, посредников или банки, что иногда требовало обеспечения ссуды земель или другим имущественным залогом (Crouzet, 1990. Ch. 5; Heaton, 1937; King, Timmins, 2001; Mathias, 1983).

Описывая начальную фазу Промышленной революции, Т. С. Эштон сделал вывод: «Действительно, самофинансирование было отличительной особенностью периода, но было бы ошибкой рассматривать этот способ как универсальный или считать рынки капитала столь ограниченными» (Ashton, 1955. P. 26). «Свободное владение собственностью в Англии в XVIII в. оставалось наиболее надежным активом, и рынок закладных был одной из эффективно организованных частей рынка капитала» (Mathias, 1983. P. 135). Например, фирма Бултона и Уатта — основанная в 1775 г. для производства паровых двигателей — использовала закладные на землю и другие активы в качестве обеспечения кредитов для своего подающего надежды предприятия. Подобным образом закладные использовались иногда в качестве финансового обеспечения при строительстве каналов, наряду с выпуском акций (Ward, 1974)¹⁶.

В рамках нашего подхода основной акцент в объяснении роста капитализма сделан на росте финансового сектора. Ни установление защищенных прав собственности (Норт), ни рост капиталистического класса, использующего наемный труд (Маркс) не характеризуют адекватно период 1688–1750 гг. Хотя гарантии прав собственности, торговля и наемный труд могут трактоваться как необходимые черты капитализма, их недостаточно, чтобы определять суть этой системы. В ядре капитализма — такого, который возник в XVIII в., — сово-

¹⁶ Более полный анализ использования залога для финансирования промышленных проектов в конце XVIII и начале XIX в. — предмет дальнейших исследований. Этой теме уделялось недостаточно внимания, поскольку важность залога не признавалась должным образом, а экономисты часто смешивают понятия «капитал» как вещи (оборудование) и как финансы (способные быть средством для закупки оборудования или стоимостью оборудования, которое может использоваться в качестве залога, чтобы получить новые займы) (Hodgson, 2014; 2015a; 2015b; Veblen, 1908).

купность финансовых институтов, основой развития которых являются собственность, используемая в качестве залогового обеспечения, и создание кредита. Эти институты и денежная система, как правило, поддерживаются государством (Hodgson, 2015a; Ingham, 2008).

Как отметил Й. Шумпетер, «капитализм — это форма экономики, основанной на частной собственности, где инновации осуществляются за счет заемных денег, которые в целом... подразумевают создание кредита» (Schumpeter, 1939. P. 223). Деньги занимались на основании залога имущества. Однако этим аспектом собственности по большей части пренебрегает «экономика прав собственности», в которой собственность вместо этого исследуется с точки зрения контроля. Шумпетер также подчеркнул «важность финансового обеспечения капиталистического производства и торговли». Следовательно, «развитие законодательства и практики торгуемых обязательств и „создаваемых“ депозитов предоставляют, возможно, наилучший индикатор, который мы имеем для датировки периода возвышения капитализма» (Schumpeter, 1954. P. 78).

В данной статье показано, что финансовые институты находились в центре событий в первые десятилетия XVIII в. Именно институциональные изменения, связанные с преобразованием финансов и администрации в интересах государства, позволяют восстановить пропущенные причинные связи между Славной революцией 1688 г., ростом капиталистических финансовых институтов и началом около 1760 г. Промышленной революции.

Если этот анализ применить к развитию капитализма за пределами Великобритании, то из него следует, что построение государственной администрации, которое может поддержать современную денежную систему и обеспечить использование частной собственности как имущественного залога, — это важное предварительное условие быстрого экономического роста. Следовательно, стремление опереться главным образом на «защиту прав собственности» в развивающихся странах может не дать результатов. Необходимо лучше понимать природу собственности и ее связь с финансами и политикой.

Перевод с английского А. Коломийца

Список литературы / References

- Acemoglu D., Johnson S., Robinson J. A. (2005a). Institutions as a fundamental cause of long-run growth. In: P. Aghion, S. N. Durlauf (eds.). *Handbook of economic growth*, Vol. 1A. Amsterdam: North-Holland, Elsevier, pp. 385–472.
- Acemoglu D., Johnson S., Robinson J. A. (2005b). The rise of Europe: Atlantic trade, institutional change and economic growth. *American Economic Review*, Vol. 95, No. 3, pp. 546–579.
- Acemoglu D., Robinson J. A. (2012). *Why nations fail: The origins of power, prosperity, and poverty*. New York; London: Random House; Profile.
- Alchian A. A. (1965). Some economics of property rights. *Il Politico*, Vol. 30, pp. 816–829. (Reprinted in: Alchian A. A. (1977). *Economic Forces at Work*. Indianapolis: Liberty Press, pp. 127–149.)
- Allen D. W. (2012). *The institutional revolution: Measurement and the economic emergence of the modern world*. Chicago: University of Chicago Press.

- Allen R. C. (2009). *The British Industrial Revolution in global perspective*. Cambridge; New York: Cambridge University Press.
- Angeles L. (2011). Institutions, property rights, and economic development in historical perspective. *Kyklos*, Vol. 64, No. 2, pp. 157–177.
- Arruñada B. (2016). Coase and the departure from property. In: M. Claude, B. Elodie (eds.). *The Elgar companion to Ronald H. Coase*. Cheltenham, UK; Northampton, MA: Edward Elgar, pp. 305–319.
- Ashton T. S. (1955). *An economic history of England: The eighteenth century*. London: Methuen.
- Bagehot W. (1919 [1873]). *Lombard street: A description of the money market*. London: Murray.
- Baker J. H. (1979). The law merchant and the common law before 1700. *Cambridge Law Journal*. Vol. 38, No. 2, pp. 295–322.
- Bank of England (1970). *The Bank of England: History and functions*. Debden: Gordon Chalmers Fortin.
- Barzel Y. (1989). *Economic analysis of property rights*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Berman H. J. (1983). *Law and revolution: The formation of the Western legal tradition*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Berman H. J. (2003). *Law and revolution II: The impact of the protestant reformations on the Western legal tradition*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Beutel F. K. (1938). The Development of negotiable instruments in early English law. *Harvard Law Review*, Vol. 51, No. 5, pp. 813–845.
- Bogart D. (2005). Did turnpike trusts increase transportation investment in eighteenth century England? *Journal of Economic History*. Vol. 65, No. 2, pp. 439–68.
- Bogart D. (2011). Did the Glorious Revolution contribute to the Transport Revolution? Evidence from investment in roads and rivers. *Economic History Review*, Vol. 64, No. 4, pp. 1073–1112.
- Bogart D., Richardson G. (2011). Property rights and parliament in industrializing Britain. *Journal of Law and Economics*, Vol. 54, No. 2, pp. 241–274.
- Bowen H. V. (1995). The Bank of England during the long eighteenth century: 1694–1815. In: R. Roberts, D. Kynaston (eds.). *The Bank of England*. Oxford; New York: Oxford University Press, pp. 1–18.
- Braudel F. (1984). *Civilization and capitalism, 15th–18th century. Vol. 3: The perspective of the world*. London: Collins.
- Brewer J. (1988). *The sinews of power: War, money and the English state, 1688–1783*. New York: Knopf.
- Broadberry S., Campbell B. M. S., Klein A., Overton M., van Leeuwen B. (2015). *British economic growth 1270–1870: An output-based approach*. Cambridge; New York: Cambridge University Press.
- Carruthers B. G. (1996). *City of capital: Politics and markets in the English financial revolution*, Princeton, NJ; Chichester, UK: Princeton University Press.
- Castor H. (2006). *Blood and roses: One family's struggle and triumph during the Tumultuous Wars of the Roses*. New York: Harper Collins.
- Cipolla C. M. (1965). *Guns, sails and empires: Technological innovation and the early phases of European expansion, 1400–1700*. New York: Pantheon.
- Clapham J. H. (1966). *The Bank of England: A history. Volume One: 1694–1797*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Clark G. (1996). The political foundations of modern economic growth: England, 1540–1800. *Journal of Interdisciplinary History*, Vol. 26, No. 4, pp. 563–588.
- Clark G. (2007). *A farewell to alms: A brief economic history of the world*. Princeton: Princeton University Press.
- Cole D. H. (2015). “Economic property rights” as “nonsense upon stilts”: A comment on Hodgson’s article. *Journal of Institutional Economics*, Vol. 11, No. 4, pp. 725–730.
- Cole D. H., Grossman P. Z. (2002). The meaning of property rights: Law versus economics? *Land Economics*, Vol. 78, No. 3, pp. 317–330.

- Commons J. R. (1934). *Institutional economics – its place in political economy*. New York: Macmillan.
- Cox G. W. (2012). Was the Glorious Revolution a constitutional watershed? *Journal of Economic History*, Vol. 72, No. 3, pp. 567–600.
- Cox G. W. (2016). *Marketing sovereign promises: Monopoly brokerage and the growth of the English state*. Cambridge; New York: Cambridge University Press.
- Crouzet F. (1990). *Britain ascendant: Comparative studies in Franco-British economic history*. Cambridge; New York: Cambridge University Press.
- De Soto H. (2000). *The mystery of capital: Why capitalism triumphs in the West and fails everywhere else*. New York: Basic Books.
- Deakin S., Gindis D., Hodgson G. M., Huang K., Pistor K. (2016). Legal institutionalism: Capitalism and the constitutive role of law. *Journal of Comparative Economics*, Vol. 45, No. 3. pp. 188–200.
- Dickson P. G. M. (1967). *The financial revolution in England: A study in the development of public credit, 1688–1756*. London: Macmillan.
- Dutton H. I. (1984). *The patent system and inventive activity during the Industrial Revolution, 1750–1852*. Manchester: Manchester University Press.
- Eltis D. (2001). The volume and structure of the transatlantic slave trade: A reassessment. *William and Mary Quarterly*, Vol. 58, No. 1, pp. 17–46.
- English B., Saville J. (1983). *Strict settlement: A guide for historians*. Hull: University of Hull Press.
- Epstein S. R. (2000). *Freedom and growth: The rise of states and markets in Europe, 1300–1750*. London; New York: Routledge.
- Heaton H. (1937). Financing the Industrial Revolution. *Bulletin of the Business Historical Society*, Vol. 11, No. 1, pp. 1–10.
- Heinsohn G., Steiger O. (2013). *Ownership economics: On the foundations of interest, money, markets, business cycles and economic development*. London; New York: Routledge.
- Heller M. A. (2008). *The gridlock economy: How too much ownership wrecks markets, stops innovation, and costs lives*. New York: Basic Books.
- Hill C. (1961). *The century of revolution 1603–1714*. London: Van Nostrand Reinhold.
- Hodgson G. M. (2014). What is capital? Economists and sociologists have changed its meaning – should it be changed back? *Cambridge Journal of Economics*, Vol. 38, No. 5, pp. 1063–1086.
- Hodgson G. M. (2015a). *Conceptualizing capitalism: Institutions, evolution, future*. Chicago: University of Chicago Press.
- Hodgson G. M. (2015b). Much of the “economics of property rights” devalues property and legal rights. *Journal of Institutional Economics*, Vol. 11, No. 4, pp. 683–709.
- Hodgson G. M. (2015c). What humpty dumpty might have said about property rights – and the need to put them back together again: A response to critics. *Journal of Institutional Economics*, Vol. 11, No. 4, pp. 731–747.
- Honoré A. M. (1961). Ownership. In: A. G. Guest (ed.). *Oxford essays in jurisprudence*. Oxford: Oxford University Press, pp. 107–147. (Reprinted in the *Journal of Institutional Economics*, 2013. Vol. 9, No. 2, pp. 227–255.)
- Hoppit J. (2011). Compulsion, compensation and property rights in Britain, 1688–1833, *Past and Present*, Vol. 210, No. 1, pp. 93–128.
- Ingham G. (2004). *The nature of money*. Cambridge: Polity Press.
- Ingham G. (2008). *Capitalism*. Cambridge: Polity Press.
- Israel J. I. (1989). *Dutch primacy in world trade 1585–1740*. Oxford; New York: Oxford University Press.
- Jardine L. (2008). *Going Dutch: How England plundered Holland's glory*. London: Harper.
- Jones J. R. (1992). *Liberty secured? Britain before and after 1688*. Stanford: Stanford University Press.
- Keynes J. M. (1930). *A treatise on money. Vol. 1: The pure theory of money, Vol. 2: The applied theory of money*. London: Macmillan.

- Kindleberger C. P. (1984). *A financial history of Western Europe*. London: Allen and Unwin.
- King S., Timmins G. (2001). *Making sense of the Industrial Revolution: English economy and society 1700–1850*. Manchester: Manchester University Press.
- Lawrence W. H. (2002). *Understanding negotiable instruments and payment systems*. Newark, NJ: Matthew Bender.
- Lindert P. H., Williamson J. G. (1982). Revising England's social tables, 1688–1812, *Explorations in Economic History*, Vol. 19, No. 4, pp. 385–408.
- MacLeod C. (2002). *Inventing the Industrial Revolution: The English patent system, 1660–1800*. Cambridge; New York: Cambridge University Press.
- MacLeod H. D. (1858). *Elements of political economy*. London: Longmans Green.
- MacLeod H. D. (1872). *The principles of economic philosophy*, 2nd ed. London: Longmans Green.
- Maddison A. (2007). *Contours of the World economy, 1–2030 AD: Essays in macroeconomic history*. Oxford; New York: Oxford University Press.
- Mann M. (1986). *The sources of social power, Vol. 1: A history of power from the beginning to A.D. 1760*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Marx K. (1976). *Capital*, Vol. 1. Harmondsworth: Pelican.
- Mathias P. (1983). *The first industrial nation: An economic history of Britain 1700–1914*, 2nd ed. London; New York: Routledge.
- McCloskey D. N. (2010). *Bourgeois dignity: Why economics can't explain the modern world*. Chicago: University of Chicago Press.
- McCloskey D. N. (2016). Max U vs. Humanomics: A critique of neo-institutionalism. *Journal of Institutional Economics*, Vol. 12, No. 1, pp. 1–27.
- Mitchell Innes A. (1914). The credit theory of money. *The Banking Law Journal*, Vol. 31, pp. 151–168.
- Moore B. J. (1988). *Horizontalists and verticalists: The macroeconomics of credit money*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Morgan E. V., Thomas W. A. (1962). *The stock exchange, its history and functions*. London: Elek Books.
- Morrill J. (1992). The sensible revolution. In: J. I. Israel (ed.). *The Anglo-Dutch moment: Essays on the Glorious Revolution and its world impact*. Cambridge; New York: Cambridge University Press, pp. 73–104.
- Murphy A. L. (2009). *The origins of English financial markets: Investment and speculation before the South Sea Bubble*. Cambridge; New York: Cambridge University Press.
- Murphy A. L. (2013). Demanding “credible commitment”: Public reactions to the failures of the Early Financial Revolution. *Economic History Review*, Vol. 66, No. 1, pp. 178–197.
- Neal L. (1990). *The rise of financial capitalism: International capital markets in the age of reason*. Cambridge; New York: Cambridge University Press.
- Nenner H. (ed.) (1997). *Politics and political imagination in Later Stuart Britain*. Rochester, NY: University of Rochester Press.
- North D. C. (1981). *Structure and change in economic history*. New York: Norton.
- North D. C. (1994). Economic performance through time. *American Economic Review*, Vol. 84, No. 3, pp. 359–367.
- North D. C., Wallis J. J., Weingast B. R. (2009). *Violence and social orders: A conceptual framework for interpreting recorded human history*. Cambridge: Cambridge University Press.
- North D. C., Weingast B. R. (1989). Constitutions and commitment: The evolution of institutions governing public choice in seventeenth-century England. *Journal of Economic History*, Vol. 49, No. 4, pp. 803–832.
- O'Brien P. K. (1988). The political economy of British taxation, 1660–1815. *Economic History Review, New Series*, Vol. 41, No. 1, pp. 1–32.
- O'Brien P. K. (2006). *Provincializing the First Industrial Revolution* (Working Paper 17/06). Global Economic History Network (GEHN), London School of Economics.

- O'Brien P. K. (2011). The nature and historical evolution of an exceptional fiscal state and its possible significance for the precocious commercialization and industrialization of the British economy from Cromwell to Nelson. *Economic History Review*, Vol. 64, No. 2, pp. 408–446.
- O'Gorman F. (1997). *The long eighteenth century: British political and social history 1688–1832*. New York: Arnold Press.
- Ogilvie S., Carus A. W. (2014). Institutions and economic growth in historical perspective. In: P. Aghion, S. Durlauf (eds.). *Handbook of economic growth*, vol. 2A, Amsterdam: Elsevier, pp. 403–513.
- Olson M. Jr. (2000). *Power and prosperity: Outgrowing communist and capitalist dictatorships*. New York: Basic Books.
- Olson M. Jr. (1993). Dictatorship, democracy, and development. *American Political Science Review*, Vol. 87, No. 3, pp. 567–576.
- Ostrom E. (1990). *Governing the commons: The evolution of institutions for collective action*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Phillips J. A., Wetherell C. (1995). The Great Reform Act of 1832 and the political modernization of England. *American Historical Review*, Vol. 100, No. 2, pp. 411–436.
- Pincus S. C. A. (2009). *1688: The First Modern Revolution*. New Haven: Yale University Press.
- Pincus S. C. A., Robinson J. A. (2014). What really happened during the Glorious Revolution? In: S. Galiani, Itai S. (eds.). *Institutions, property rights, and economic growth: The legacy of Douglass North*. Cambridge; New York: Cambridge University Press, pp. 192–222.
- Powell E. T. (1915). *The evolution of the money market (1385–1915). An historical and analytical study of the rise and development of finance as a centralised, co-ordinated force*. London: Financial Press.
- Quinn S. (2001). The Glorious Revolution's effect on English private finance: A micro-history 1680–1705. *Journal of Economic History*, Vol. 61, No. 3, pp. 593–615.
- Roberts C. (1977). The constitutional significance of the financial settlement of 1690. *Historical Journal*, Vol. 20, No. 1, pp. 59–76.
- Roseveare H. G. (1991). *The Financial Revolution, 1660–1760*. Harlow: Longman.
- Schumpeter J. A. (1934). *The theory of economic development: An inquiry into profits, capital, credit, interest, and the business Cycle*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Schumpeter J. A. (1939). *Business cycles: A theoretical statistical and historical analysis of the capitalist process*, 2 vols. New York: McGraw-Hill.
- Schumpeter J. A. (1954). *History of economic analysis*. Oxford; New York: Oxford University Press.
- Scott J. (1991). *Algernon Sydney and the restoration crisis, 1677–1683*. Cambridge; New York: Cambridge University Press.
- Steiger O. (ed.) (2008). *Property economics: Property rights, creditor's money and the foundations of the economy*. Marburg: Metropolis.
- Sullivan R. J. (1989). England's "age of invention": The acceleration of patents and of patentable invention during the Industrial Revolution. *Explorations in Economic History*, Vol. 26, No. 4, pp. 424–452.
- Sussman N., Yafeh Y. (2006). Institutional reforms, financial development and sovereign debt: Britain 1690–1790. *Journal of Economic History*, Vol. 66, No. 4, pp. 906–935.
- Temin P., Voth H.-J. (2005). Credit rationing and crowding out during the Industrial Revolution: Evidence from Hoare's Bank, 1702–1862. *Explorations in Economic History*, Vol. 42, pp. 325–348.
- Trevor-Roper H. (1992). *Counter-reformation to Glorious Revolution*. Chicago: University of Chicago Press.
- Turner M. (1986). English open fields and enclosures: Retardation or productivity improvements. *Journal of Economic History*, Vol. 46(3), pp. 669–692.

- Veblen T. B. (1904). *The theory of business enterprise*. New York: Charles Scribners.
- Veblen T. B. (1908). Professor Clark's economics. *Quarterly Journal of Economics*, Vol. 22, No. 2, pp. 147–195.
- Veitch J. M. (1986). Repudiations and confiscations by the Medieval state. *Journal of Economic History*, Vol. 46, No. 1, pp. 31–36.
- Vries J. de, Woude A. van der (1997). *The first modern economy. Success, failure, and perseverance of the Dutch economy, 1500–1815*. Cambridge; New York: Cambridge University Press.
- Ward J. R. (1974). *The finance of canal building in eighteenth-century England*. Oxford: Oxford University Press.
- Wennerlind C. (2011). *Casualties of credit: The English Financial Revolution 1620–1720*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Western J. R. (1972). *Monarchy and revolution: The English state in the 1680s*. London: Blandford.
- Winthrop W. (1920). *Military law and precedents*, 2nd ed. Washington: Government Printing Office.
- Wray L. R. (2012). *Modern money theory: A Primer on macroeconomics for sovereign monetary systems*. London; New York: Palgrave Macmillan.
-

1688 and all that: Property rights, the Glorious Revolution and the rise of British capitalism

Geoffrey M. Hodgson

Author affiliation: Hertfordshire Business School, University of Hertfordshire (Hertfordshire, United Kingdom). Email: g.m.hodgson@herts.ac.uk

In a seminal 1989 article, Douglass North and Barry Weingast argued that by making the monarch more answerable to Parliament, the Glorious Revolution of 1688 helped to secure property rights in England and stimulate the rise of capitalism. Similarly, Daron Acemoglu, Simon Johnson, and James Robinson later wrote that in the English Middle Ages there was a “lack of property rights for landowners, merchants and proto-industrialists” and the “strengthening” of property rights in the late 17th century “spurred a process of financial and commercial expansion”. There are several problems with these arguments. Property rights in England were relatively secure from the 13th century. A major developmental problem was not the security of rights but their feudal nature, including widespread “entails” and “strict settlements”. 1688 had no obvious direct effect on property rights. Given these criticisms, what changes promoted the rise of capitalism? A more plausible answer is found by addressing the post-1688 Financial and Administrative Revolutions, which were pressured by the enhanced needs of war and Britain’s expanding global role. Guided by a more powerful Parliament, this new financial system stimulated reforms to landed property rights, the growth of collateralizable property and saleable debt, and thus enabled the Industrial Revolution.

Keywords: Glorious revolution, property rights security, development of capitalism.

JEL: N13, N23, O43, P14.